

CENTRAL ASIAN JOURNAL OF SOCIAL SCIENCES AND HISTORY

Journal homepage: <https://cajssh.centralasianstudies.org>

Из Истории Становления И Развития Археологических Исследований На Территории Самаркандского Согда В Последней Четверти XIX Века

Фарманова Гульнара Комилевна

PhD, старший преподаватель кафедры Всемирной истории Ферганского государственного университета, Республика Узбекистан

Аннотация:

Автор статьи утверждает, что со второй половины XIX века и до 30-х годов XX века по Самаркандскому Согду был накоплен определенный фактический материал. Это в значительной степени указывало на важность истории и культуры Самарканда и его окрестностей в изучении историко-культурного наследия всего среднеазиатского региона. Одними из главных достижений в области историко-археологического изучения Самаркандского Согда в рассматриваемый период являются также работы Н.И.Крестовского и Н.И.Веселовского, которые внесли огромный вклад в становление и развитие узбекской школы археологии.

ARTICLE INFO

Article history:

Received 09-Jul-23

Received in revised form 15-Jul-23

Accepted 07- Aug-23

Available online 27-Sep-2023

Ключевые слова и выражения:

Н.И.Крестовский,
Н.И.Веселовский,
Самаркандский Согд,
археологи, история, древний,
исторические источники,
археологические раскопки,
археологические находки,
археологические методы,
археологические
исследования,
археологическая экспедиция,
стратиграфия, периодизация.

Введение. Самарканд является центром древнейшей земледельческой и городской культуры, возникшей на перекрестке крупных торговых трасс, на стыке земледельческих культур юга и степных – кочевнических культур северо-восточных районов, в этом регионе возникла развитая

культура, в связи с чем интерес к Самарканду и Самаркандскому Согду никогда не утихал. О Самарканде упоминали путешественники Западной Европы, арабские географы, китайские миссионеры, послы и местные исторические источники.

После завоевания Средней Азии Россией, в Туркестане появляются местные краеведы-энтузиасты, любители истории и культуры, собиратели древности, искренне преданные и глубоко интересовавшиеся историей своей страны [10: с. 41-45].

Первыми учеными, заинтересованными в изучении истории и культуры Самарканда и его окрестностей были русские востоковеды Н.И.Веселовский, В.В.Бартольд и местный энтузиаст-историк В.Л.Вяткин.

Создание Туркестанского кружка любителей археологии (ТКЛА), значительно повлияло на осуществление регулярных работ по сбору археологического материала. Однако, малочисленность специалистов, отсутствие методики проведения археологических работ, приводили только к разрушению и порче памятников [11: р. 542-546]. Вследствие этого, из археологического материала должных историко-культурных выводов не было сделано.

1. Обзор литературы по теме (Literature review)

Рассматривая степень изученности темы среди опубликованных работ, необходимо прежде остановиться на научной работе Шишкина В.А. [8], в которой освещаются археологические исследования и археологические раскопки Самарканда и его окрестностей, где автор детально описывает археологические раскопки и археологический материал, дает ряд заключений, касательно хронологии и характеристики самого памятника и предметов. Шишкин В.А. в своих работах выделяет непосредственные задачи, стоящие перед археологией Средней Азии, а также прекрасно понимает, какие исключительные перспективы сулит серьезно поставленное археологическое изучение. Якубовский А.Ю. в своем труде [9] описывает материальную культуру Самаркандского Согда, основанную на археологических работах данного региона. Работы Лунина Б.В. и Массона М.Е. [4, 5] раскрывают археологические исследования, проведенные в Самаркандской области.

2. Методология исследования (Research Methodology)

Говоря о методологии данной статьи, хотелось бы подчеркнуть, что нами были использованы методы отбора и классификации материала, сравнительного анализа приведенных фактов, мнений и выводов, а также метод непреложности причинно-следственной связи и историзма. В статье также используются такие методы как историческая и культурная преемственность.

Анализ и результаты исследования (Analysis and results)

Одним из первых ученых, посетивших Самарканд и его окрестности, был этнограф Н.В.Ханыков, который понял, что в результате оседлого образа жизни городского населения, где глинобитная архитектура широко развита, образуются многослойные поселения. Н.В.Ханыков вместе с И.А.Яковлевым смог составить подробный топографический план Самарканда эпохи Тимуридов и опубликовать эти данные в своей монографии. До конца XIX века историки, востоковеды и даже археолог В.В.Радлов, посетивший Самарканд, не поняли археологическую возвышенность – тепе, поскольку крупные поселения считали «курганами, использованными как «сторожевой пункт». Первым археологическим исследователем

Афрасиаба оказался майор Борзенков, производивший «раскопки» по поручению генерал-майора А.К.Абрамова, ничего не понимавший в глинобитной архитектуре Афрасиаба. Прорезав в нескольких местах руины Афрасиаба, они искали ценные предметы, удовлетворяющие интересы и запросы музеев Санкт-Петербурга [12: *р. 62-68*].

Вся проблема упиралась в отсутствие специалистов-археологов, знающих методику проведения археологических работ. Археологическое исследование Самаркандского Согда значительно отставало от разработки истории Самарканда и Самаркандского Согда по письменным источникам, пример которого показали В.В.Бартольд и В.Л.Вяткин. В начале XX века местными энтузиастами, русскими учеными и инженерами были проведены значительные работы по охране и реставрации памятников. Такая работа была проведена на минарете медресе Улугбека, значительно наклонившееся к этому времени. Большое практическое значение имеют работы европейских и русских фотографов во второй половине XIX – начале XX вв., сфотографировавших уникальные архитектурные объекты, мосты, ирригационные сооружения, транспорт, этнографические объекты и историческую среду в целом. Среди таких фотографов особо выделяются работы В.Тресвятского, И.Введенского, Г.А.Панкратьева, В.Ф.Козловского, Н.Н.Нехорошева, француза Поль Надара.

История изучения Афрасиаба и развитие узбекской археологической школы тесно связаны с деятельностью крупного русского писателя В.В.Крестовского, посетившего Самарканд в составе дипломатической миссии с 17 по 25 декабря 1882 года. Об этой поездке в дальнейшем он напишет книгу [3], где даны некоторые исторические данные относительно истории Самарканда. Однако, многие исторические данные перепутаны и изложены неточно. Несмотря на это у В.В.Крестовского была достаточно хорошая интуиция. Он один раз был в Самарканде, и не являясь археологом или историком, точно отождествлял Мараканду греческих авторов с Самаркандом. В.В.Крестовский заметил на Афрасиабе остатки городских валов, подземные ходы, пещеры и погребя, вырытые в толще холма, на котором расположено городище, кратко описал цитадель, – «замок царя Афрасиаба», могилу Данияра. Но, самое главное, он понимает важность археологических раскопок и пишет, что «все городище Афрасиаб требует археологических исследований» [8: *с. 16*].

В «картотеках цензуры» советской массовой информации В.В.Крестовский числился как буржуазный писатель, из-за чего не только в статьях литераторов, но и археологов его называли «реакционным писателем» [8: *с. 15*]. Но он был общеизвестным писателем, автором знаменитого 8-томного романа «Петербургские трущобы», «Панургово стадо», «Две силы» и т. д. Как пишет С.М.Горшенина, для того, чтобы прочесть роман В.В.Крестовского, люди месяцами стояли в очередях в публичных библиотеках [2: *с. 24*].

После возвращения из Бухары, В.В.Крестовский в своем докладе генерал-губернатору М.Г.Черняеву отметил необходимость проведения археологических раскопок на Афрасиабе для пополнения новыми находками Ташкентского музея. Доклад В.В.Крестовского убедил генерал-губернатора в важности проведения раскопочных работ на Афрасиабе, тем более, что в те годы распространились среди высшего слоя общества слова видного археолога, графа А.С.Уварова, что археология «наука для богатых», т. е. «аристократическая наука». Как пишет В.А.Шишкин, генерал-губернатор М.Г.Черняев хорошо знал «об интересе, проявляемом к предметам древности при императорском дворе» [8: *с. 16*].

Одними из главных достижений в области историко-археологического изучения

Самаркандского. Тогда являются работы Н.И.Крестовского, заметившего различие материальной культуры различных слоев заложенного на Афрасиабе стратиграфического шурфа. Через 9 лет после раскопок майора Борзенкова, в 1883 году по приказу генерал-губернатора М.Г.Черняева, возобновляются раскопки на Афрасиабе под руководством В.В.Крестовского. Подробный отчет о произведенных раскопках на Афрасиабе в научных изданиях не был опубликован. Однако, в несколько сокращенном виде отчет был издан в газетных статьях в «Санкт-Петербургских ведомостях» и «Туркестанских Ведомостях» [8: с. 16]; [9: с. 287-298]. В статье В.А.Шишкина достаточно подробно изложены основные сведения по раскопкам В.В.Крестовского.

Прежде чем дать описание раскопок, остановимся на неподготовленности автора к их проведению, следует отметить также на полное отсутствие какой-либо инструкции по производству археологических раскопок на памятниках археологии в Средней Азии. Вместе с тем, В.В.Крестовский вполне сознательно и ответственно относился к раскопкам на Афрасиабе. Прежде чем приступить к раскопкам, он просил инструкции по проведению археологических раскопок у генерал-губернатора М.Г.Черняева. Последний обратился к графу А.С.Уварову с просьбой прислать инструкции. Однако присланные в Ташкент инструкции и наставления, к сожалению, В.В.Крестовскому ничего нового не дали, потому что в условиях России в XIX веке археологические раскопки производились ещё только на курганах, а раскопки и в целом обследования на памятниках поселенческих структур, т. е. на городищах и поселениях, не производились. Сам В.В.Крестовский пишет: «Должен оговориться, что я никогда не занимался специально археологией. Инструкции и наставления, присланные в Ташкент графом Уваровым по просьбе М.Г.Черняева, к сожалению, не могли дать мне надлежащих указаний в данном случае, так как они имеют своим предметом исключительно отдельные могильные курганы, а здесь приходилось иметь дело с целой площадью в пять верст окружности, где на каждом шагу попадаются остатки жизни целого города, история измеряемой тысячелетиями» [9: с. 288].

В таких условиях В.В.Крестовский подходил к своей работе весьма осторожно, чувствуя ответственность перед наукой из-за нехватки технических приемов. Его осторожность и честность особенно проявлялась в процессе выбора мест для проведения археологических раскопок. Для проведения раскопочных работ В.В.Крестовский специально отобрал такое место, где, по его мнению, будет минимальный ущерб для памятника. По этому поводу В.В.Крестовский отмечал: «...поэтому и не решился я начать раскопки непосредственно с самого интересного и многообещающего для науки пункта, каким являлся тут дворцовый холм Афрасиаба и местность, очерченная остатками стен древней цитадели, предоставляя эту честь в будущем людям действительно опытным, людям науки» [9: с. 288].

В.В.Крестовский считал, что наименьшим ущербом для памятника мог бы быть «бугор на четвертой версте от Самаркандской почтовой станции, на задах древней шах-и-зиндевской усыпальницы Тимуридов, прилегающей к самому шоссе, в расстоянии около ста саженей от часовни св. Хызра, что находится на гребне подъема на южную окраину Афрасиаба. Бугор этот, выше двух саженей высоты над уровнем дороги, имел в плане своем продолговатую,

неправильно эллипсоидальную форму, занимая протяжение до 21 сажени^{*}, при ширине от 5 до 8 сажень» [9: с. 289].

Прежде чем начинать раскопки, на выбранном участке производились топографические съемки местности, что было методически правильным решением, хотя автор раскопа не считал себя археологом. В.В.Крестовский заложил траншею вдоль юго-восточной подошвы бугра, а затем разрезал его поперечными траншеями. Длина центральной траншеи около 45 м. В процессе раскопок В.В.Крестовский достаточно точно определил наличие последовательных слоев, и узнав, что памятник многослойный, решил производить раскопки послойно. Как пишет В.В.Крестовский: «...центральная» траншея была 6 м в глубину, где сначала прорезала «щебеночный» слой на глубине 1 аршина (0,7 м), затем «помост» из чупанатинского ломаного камня 2 аршина (1,4 м). Здесь были встречены могилы с «кровлями» из крупного сырцового кирпича, куски майолики, мраморные обломки, осколки посуды. Еще ниже 3 аршина (2,1 м) найдены гончарные трубы, лежащие горизонтально, в направлении на северо-восток, «китайские» монетки, осколки стекла. На глубине 5 аршин (3,5 м) обнаружен угол фундамента из чупанатинского камня, а на глубине 6 аршин (4,2 м) встречены признаки «матерой почвы» – твердая глина, без культурных остатков» [8: с. 17].

В.В.Крестовский в этом раскопе кроме «центральной» траншеи заложил поперечную траншею длиной 7,7 м, шириной 2,5 м, углубленной на 8,8 м. Всю толщину напластований В.В.Крестовский делит на десять последовательных слоев. В самом верхнем слое был обнаружены слои щебенки и плитки, подобные изразцов Шахи-Зинды, которые он датировал XIV–XV веками. В.А.Шишкин, анализируя вывод В.В.Крестовского относительно даты верхнего слоя отмечает, что изразцовые плитки должны были поступать во время его разрушения, а не времени существования. В связи с этим он считал, что слои, где были встречены «шахи-зиндинские изразцы» не могут быть датированы XIV–XV веками [8: с. 18].

Следующие слои с могилами, состоящие из трех последовательных слоев, вполне могли быть отнесены к верхним слоям. Видимо, речь здесь идет о Шахи-Зиндинском кладбище, тем более «скелеты, лежавшие головой на северо-запад» характерны исламскому периоду. На южной части Афрасиаба погребальные комплексы возникли во время появления здесь могилы Кусамы ибн Аббаса[†].

В третьем слое были обнаружены обломки мраморной плиты с куфической надписью, а также светильники, посуда с голубой поливой и обломки стекла.

На глубине 3,5–4,3 м В.В.Крестовский обнаруживает обломок сфероконического сосуда (по автору «слезница»). Здесь же обнаружены бусы, сосуды с бледно-голубой глазурью, обломки котла, три «куфические» монеты, обломки стекла, сердоликовые и сапфировые бусы, очажные

^{*} Сажень – старорусская единица измерения расстояния. По указанию Николая I от 11 октября 1835 года «О системе российских мер и весов» длина сажени была приравнена к длине 7 английских футов, т. е. к 213,36 см. С введением в 1924 году в СССР метрической системы мер вышла из употребления.

[†] Мавзолей Кусамы ибн Аббаса (Мазар Кусамы ибн Аббаса) – архитектурный памятник, мавзолей в самаркандском некрополе Шахи-Зинда, построенный в эпоху Караханидов, Чагатайдов и Тимуридов в XI–XV веках. Этот мазар – один из самых сложных, многослойных и запутанных архитектурных комплексов Средней Азии, исследователи считают, что в его истории и устройстве есть еще много нерешенных проблем.

подставки.

В.В.Крестовский весьма справедливо относит устья трех цилиндрических колодцев к следующему слою. Их В.В.Крестовский называет «домашними сточными ямами». В этих ямах встречались корчаги с пробитым дном.

На глубине 5,2 м были обнаружены хорошо сохранившиеся «фиалы» и «амфоры» из темно-красной, очень плотной и качественно обожженной глины, но без всякой орнаментации. Из этих же слоев были обнаружены вылепленные из глины собачки, человечки, гемма с изображением человеческой головы в профиль, напоминающая Гермеса и животное, похожее на слона [8: с. 20]. Как отмечает В.В.Крестовский, в этом слое действительно материалы более ранние, напоминающие греческий период. Из-за наличия этих находок автор раскопа относит их к греческому периоду, где найден светильник на высокой ножке, покрытый голубой поливой, характерный для слоев IX–X вв. Средневековую поливную посуду В.В.Крестовский называет «древними майоликами», а надписи на этих сосудах «неизвестными письменами» [9: с. 21].

«В последнем слое (глубина 6,2–8,7 м), найдена посуда из красной глины, «без поливы и орнаментации», 9 грубо обточенных каменных ядер величиной с большое яблоко, бусы и «амулеты» из кирпича, кости, рога, мрамор, кремль, нефрит и другие горные породы, раковины каури (*surgea moneta*), выпуклый с обеих сторон мраморный кружок, «вероятно, для метания», выточенная из камня швейная иглолка (?) с ушком. Все это лежало уже на материковой почве. Монет и стекла на этой глубине не было» [8: с. 22].

Как видно по описанию раскопа, заложенного недалеко от мечети Хазрат Хызр, В.В.Крестовский установил последовательность культурных слоев. Судя по описаниям автора раскопа, материалы почти всех последовательных слоев в своем составе вместе с более ранними находками имеют характерную для средневековых слоев поливную керамику. Вместе с тем, в опубликованных публикациях В.В.Крестовский считает, что культурные слои почти 8-метровой толщины образовались от IV в. до н. э. по XIII вв. н. э. В целом, В.В.Крестовским собрано 564 предмета и составлен альбом иллюстраций, состоящий из 40 снимков. Все эти находки были переданы в Ташкентский музей, а часть находок была отправлена в Археологическую комиссию Санкт-Петербурга.

Обычно на многослойных памятниках при земляных работах (ремонт или строительство новых зданий) более ранние керамические комплексы попадают в верхних слоях, а керамические комплексы в нижних слоях отсутствуют. Керамика из верхних слоев в нижние слои могла попасть только при наличии там бадрабов (колодцев) или других подземных сооружений типа чиллахона[‡] и т. п. Что касается конкретно раскопа В.В.Крестовского, то там могли бы быть две причины, из-за чего культурный слой мог быть смешанным. Во-первых, действительно удивляет тот факт, что даже на глубине 8,7 м еще встречаются в единичных случаях отдельные обломки поливной посуды. Почти вся керамика и отдельные терракотовые статуэтки в нижних

[‡] Чиллахона (от тадж. «чил» - сорок, «хона» - комната) – комната или келья для уединения мусульманина на время поста с целью усердных молитв и осуществления духовных практик, обычно возникали в виде подземных землянок.

слоях действительно относятся к эллинистическому или раннесредневековому периоду. Особенно «фиалы» или «амфоры», как описывает их В.В.Крестовский, являются самой характерной посудой для эллинистических слоев. В этом случае он не ошибся. Его основная ошибка является «методической» по ведению раскопок на многослойных поселениях. Видимо В.В.Крестовский не заметил на своем раскопе наличие спущенного сверху бадраба, бадрабов, или мусорных ям, где обычно в большом количестве бывают керамические комплексы средневекового периода.

Самовольные раскопки на Афрасиабе без разрешения Археологической комиссии раздражали петербургских ученых. Они настаивали отправить на раскопки в Афрасиабе опытного специалиста по истории и археологии края. Археологическая комиссия свой выбор остановила на историке-востоковеде Н.И.Веселовском [8: с. 24]. С точки зрения Археологической комиссии, Н.И.Веселовский был самым лучшим знатоком истории и археологии Средней Азии и к тому же являлся учеником известного ученого В.В.Григорьева. Во всяком случае, в условиях Средней Азии в те годы еще никто не работал в качестве археолога, и у Н.И.Веселовского кроме нескольких посещений курганных могильников, отсутствовал опыт по ведению археологических раскопок. В те годы отсутствовали даже обычные инструкции по ведению археологических работ с глиняной структурой в условиях Средней Азии. Вместе с тем, Археологическая комиссия поставила перед Н.И.Веселовским большие и перспективные задачи. Он должен был начать систематические археологические работы на Афрасиабе и произвести разведки по Ферганской долине, осмотреть развалины городов в долине Зеравшана. Кроме того, перед Н.И.Веселовским была поставлена задача по описанию предметов древности и ознакомление с кладами, найденными в Туркестане [8: с. 24-25].

Прежде чем начать работу на городище Афрасиаб, Н.И.Веселовский в 1884 году совершил поездку в Ферганскую долину и на нескольких памятниках провел небольшие разведочные раскопки. Однако, судя по описаниям произведенных работ, он ничего не понял и не смог сделать конкретных выводов. После приезда в Самарканд Н.И.Веселовский ознакомился с Афрасиабом, смог отличить цитадель и окружающие его оборонительные стены, а также наличие внутренних стен, однако, не сделал конкретных выводов. Основной текст отчета состоит из описания обрывов в разных частях Афрасиаба и прорезанными в него помещениями, вырытыми, видимо, в XVIII–XIX веках.

Что касается исторических выводов, то Н.И.Веселовский правильно отождествлял Мараканду греческих авторов на месте Афрасиаба. Вместе с тем, он воздерживался от определения возраста города, подчеркивая, что такой вывод можно сделать только после многолетних и тщательных раскопочных работ. Н.И.Веселовский правильно понял, что город на этом месте погибает после монгольского завоевания, и возрождается только на месте тогдашнего старого города.

Н.И.Веселовский являлся совсем не подготовленным к раскопочным работам не только на Афрасиабе, но и по всей Средней Азии. Нашу оценку по его работе можно проверить, осмотрев результаты полевых работ на Афрасиабе. В частности, до приезда в Самарканд Н.И.Веселовскому было дано указание, чтобы сосредоточить раскопки в одном пункте. Он не выполняет это указание, а вместо этого, увеличивает число раскопок и траншей. Начиная от раскопок на цитадели, полукругом доходит до могилы Ходжи Данияра и охватывает пределы даже вне Афрасиаба. В составленном при Н.И.Веселовском топографическом плане, оставлены 109 раскопок за четыре месяца работы. Любому археологу понятно, что при полном отсутствии

археологов-коллекторов, т. е. помощников, за четыре месяца раскопного сезона невозможно было производить раскопки в таком большом количестве. Вследствие этого, в его раскопках отсутствовали даже малейшие элементы методики ведения раскопных работ.

Археологическая комиссия в Москве требовала доведения раскопов до материка. Однако Н.И.Веселовским не было выполнено и это требование. Отчеты, оставленные им, составлены поверхностно. По этим отчетам невозможно понять даже, на какой части Афрасиаба был заложен тот или иной раскоп. Во многих шурфах и траншеях глубина доходила до 7 метров, однако Н.И.Веселовский никаких расчленений стратиграфического характера не производил. В.В.Крестовский же, работавший до него на Афрасиабе, дал подробные описания раскопов стратиграфического характера. Он не только дал описание стратиграфических шурфов, но и четко заметил различие в материальной культуре. Результатами своих раскопов Н.И.Веселовский не был удовлетворен, но знал важность материала, добытого в результате археологических работ.

Имеются противоречивые мнения о дальнейшем продолжении раскопок на Афрасиабе Н.И.Веселовским. В частности, А.Ю.Якубовский отмечает, что «раскопки, начатые Н.И.Веселовским в 1885 году не были продолжены в последующие годы» [9: с. 289]. В.А.Шишкин же считал, что «Н.И.Веселовский еще раз сделал попытку вернуться к раскопкам на Афрасиабе, но, по-видимому, в небольших размерах и без значительных результатов» [8: с. 31]. В отличие от этих мнений, Б.В.Лунин считал, что с 1885 года «начинается многолетняя раскопная деятельность Н.И.Веселовского» [4: с. 29].

Н.И.Веселовский совершил поездки как по верховьям, так и по низовьям долины Зеравшана. Осмотрев многие холмы в этой долине, он ошибочно описал «курганы», высказав догадку, что тепе, которые он видел, «были первоначально могильниками, а уже потом, в мусульманский период, население придумало утилизировать их для стратегических целей» [1: с. 224].

Многие исследователи высказывались о Н.И.Веселовском как востоковеде-историке или как начинающем археологе [7: с. 359-386]. Критика в отношении Н.И.Веселовского опиралась на его недостаточное знание методики ведения археологических раскопок в конце XIX века.

После раскопок В.В.Крестовского и Н.И.Веселовского, интерес к памятникам археологии, особенно к Афрасиабу, значительно возрос среди путешественников-иностранцев, среди которых были ученые-публицисты, коммерсанты, а иногда просто состоятельные туристы, желавшие увидеть загадочную Среднюю Азию. Среди таких туристов была и археолог П.С.Уварова, посетившая Афрасиаб. Об Афрасиабе она сообщает, что «...производившие здесь раскопки вскрыли два слоя: мусульманский, и более древний – бактрийский». Она также отмечает, что подобные афрасиабским вещи были обнаружены недалеко от Варахши в местности Ходжа-Обон [6: с. 15].

В 1894–1895 годах на Афрасиабе производил «раскопки» путем пороховых взрывов французский путешественник-исследователь, депутат парламента, доктор Жан Шафанжон, оставивший о себе недобрую память [8: с. 39]. Он путем взрывных устройств, или путем рытья траншей, пытался найти интересные предметы для музейных коллекций. Судя по его описаниям, часть обнаруженных вещей была оставлена в России, другая часть находок отправилась в музей Гиме во Франции.

Особое место занимает в истории изучения Самарканда донесения топографа Г.Костенича на имя самаркандского военного губернатора Н.Я.Ростовцева от 14 марта 1896 года за № 186, где сообщается, что «...в крепости Урдакон много бугров, заметны следы улиц, и несколько веков назад в Урдаконе жил богатый народ, якобы «урус». Это было описание руин знаменитого городища Пенджикент, известного благодаря работам Таджикской археологической экспедиции.

На рубеже XIX–XX веков археологические работы на территории Самарканда и Самаркандского Согда не производились. Вместе с тем, в это время из разных точек Самаркандского оазиса поступают сообщения о новых находках. В частности, в 1889 году в еврейском квартале города на усадьбе Баба Махсума Фузайлова, при рытье сточного колодца, было обнаружено шесть оссуариев [8: с. 45]. Интерес к этим оссуариям был настолько велик, что один из них был отправлен на Всемирную выставку, проходившую в Париже с 6 мая по 31 октября 1889 года. Недалеко от этой находки была обнаружена золотая, хорошо сохранившаяся монета, оказавшаяся брактеатом[§] «варварского» типа. Позднее эта монета была определена М.Е.Массоном как монета с изображением византийского императора Феодосия II (401–450 гг.) [5: с. 97].

В Самарканде археологическая работа, сбор археологических материалов, деятельность любителей археологии, краеведов и коллекционеров было неорганизованным, хотя попытка исправить такое положение предпринималась. По инициативе одного из деятелей Туркестанского кружка любителей археологии – военного инженера И.Т.Пославского, 29 декабря 1895 года состоялось собрание Самаркандского областного статистического комитета, на котором был поставлен вопрос об организации филиала Туркестанского кружка или самостоятельного археологического общества. Однако в дальнейшем эта организация не функционировала.

Заключение и рекомендации (Conclusion/Recommendations)

Таким образом, стратиграфический раскоп, заложенный В.В.Крестовским на Афрасиабе, показал, что городище является многослойным памятником, где раскопки могли бы проводить только квалифицированные археологи. При первом же раскопе установлено, что на этом памятнике можно увидеть скрещение различных культур. С одной стороны, даже самый «неопытный археолог», каким являлся В.В.Крестовский, смог увидеть наличие греческой посуды в виде фиал и амфор. С другой стороны, он, при описании находок, отмечает об обнаружении «монет с квадратными отверстиями». Такие монеты являются китайскими или согдийскими монетами, выпущенными под китайский образец, широко распространенные в раннем средневековье.

В.В.Крестовский не был археологом или историком. Однако, в траншее, заложенной на Афрасиабе, смог определить многочисленность слоев. Он различал, что на верхних слоях много глазурованной керамики, а в нижних слоях – красно-ангобированной, и даже обнаружил наличие греческих форм, какими являются фиала или кувшины, напоминающие эллинистические.

[§] Брактеат (лат. bractea – жезл) – плоская тонкая монета из золота или серебра с чеканкой на одной стороне, наиболее часто употребляемый термин для обозначения раннесредневековых монет такого вида.

Н.И.Веселовский до приезда в Самарканд был знаменитым ученым-востоковедом. Руководство выбрало кандидатуру Н.И.Веселовского, считая, что при раскопках он сможет связать археологическую находку или археологический объект с сообщениями в письменных источниках. Однако, у Н.И.Веселовского совершенно отсутствовали опыт и археологическое чутье, он совершенно не понимал глинобитную архитектуру. Его методы раскопок были в несколько раз ниже уровня, чем раскопки В.В.Крестовского.

Однако, все вышеотмеченные работы обогатили науку новыми данными по истории материальной культуры Самарканда и Самаркандского Согда и показали перспективность изучения этого региона для воссоздания истории и культуры Средней Азии в целом.

Сноски/ Иктибослар/ References

1. Веселовский Н.И. Заметка о курганах Туркестанского края // ЗВО II, вып. 3–4. – Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1888. – С. 221-226.
2. Горшенина С.М. Из истории организации изучения среднеазиатских древностей (об экспедиционной деятельности В.В.Крестовского). Изучение культурного наследия Востока. Культурные традиции и преемственность в развитии древних культур и цивилизаций. – Санкт-Петербург: Европейский дом, 1999. – 166 с.
3. Крестовский В.В. В гостях у эмира бухарского. – Санкт-Петербург: Из-во А.С.Суворин, 1887. – 432 с.
4. Лунин Б.В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. – Ташкент, 1958. – 320 с.
5. Массон М.Е. К вопросу о взаимоотношении Византии и Средней Азии по данным нумизматики // САГУ, Вып. XXIII, гуманитарные науки, кн. 4. – Москва, 1951. – С. 97.
6. Уварова П. Поездка в Ташкент и Самарканд. Книга XI. – Москва: Русская мысль, 1891. – 25 с.
7. Фармаковский Б.В. Веселовский-археолог // ЗВО, XXV. – Санкт-Петербург, 1921. – С. 359-386.
8. Шишкин В.А. К истории археологического изучения Самарканда и его окрестностей / Афрасиаб. Выпуск I. – Ташкент, 1969. – С. 3-120.
9. Якубовский А.Ю. Из истории археологического изучения Самарканда // ТОВЭ. Т. II. – Ташкент, 1940. – С. 285-337.
10. Фарманова Г.К. Работы местных краеведов-энтузиастов в окрестностях Самарканда во второй половине XIX – начале XX вв. // Ilmiy Axborotnoma. Научный вестник. Scientific journal. (Gumanitar fanlar seriyasi). – 2022. – № 4 (134). – С. 41-45.
11. Farmanova G.K. Contribution of Russian and European scientists to the study of the historical past of Samarkand and its surroundings in the XIX-first half of the XX century // Research & Development. Monthly, Peer Reviewed (Refereed) & International journal. – 2021. – № 5. – P. 542-546.
12. Farmanova G.K. Archaeological Research and Observations of Russian and European Scientists and Travelers on Afrasiyab and in the Samarkand Oasis in the Second Half of the XIX - Early XX Centuries // Central Asian journal of social sciences and history. – 2021. – № 9 (September). – P. 62-68.